

Мастер Даньхао бережно промокнул губы Линь Яньюя чистым платком.

— Ну как ты, ученик? В груди полегчало?

Линь Яньюй прислушался к себе. Сгусток крови, мешавший дышать, вышел, и теперь в легких стало непривычно просторно. Всё-таки иметь заботливого наставника — великое благо.

— Спасибо, мастер, — искренне ответил он.

Даньхао нахмурился, он смотрел с негодованием.

— И всё же, кто это тебя так приложил? Опять сопляки с Пика Меча? Вот встречу Цзяньхана, старого пня, и выскажу всё, что о нем думаю. Не умеет воспитывать своих — пусть и не мечтает больше о моих эликсирах!

— Успокойтесь, мастер, всё не так просто, — поспешно начал Линь Яньюй.

Он вкратце пересказал события дня, благоразумно умолчав о Системе. Вместо этого он выдумал историю о поиске толкового помощника, подспудно намекая, что новенький — лишь подсобный рабочий, и тратить на него ценные ингредиенты не стоит.

Слушая о том, как внутренние ученики издеваются над младшими, превращая их в бесправных «кружочков», Даньхао мрачнел на глазах. Наконец он не выдержал: тяжелая ладонь опустилась на валун у края Духовного источника, и камень с глухим треском рассыпался в пыль.

— Твари! Какие же подлые твари! — Мастер кипел от ярости. Он метал молнии взглядом. — Позорят имя секты Сяньюй! Об этом немедленно должен узнать глава Жэнь.

Даньхао резко поднялся.

— Я пришел проверить, как там твой Трехлистный цветок Лазурного Небосвода, но раз он пока спит — это подождет. Сейчас важнее вымести эту грязь из секты. Пригляди за своим помощником, а я — к главе.

— Мастер, постойте! Там уже Цюань Фушуй разбирается... Мастер! — Линь Яньюй пытался его остановить, но старик уже скрылся за дверью.

«Великие боги, — простонал Линь про себя, — только не это. Меньше всего на свете я хотел оставаться с ним наедине».

Он покосился на Цинь Цзуйкуана, всё еще пребывающего в забытьи.

Сказать, что он боялся этого парня — ничего не сказать. Одно дело — спасти его в пылу драки, и совсем другое — осознавать, КТО лежит перед тобой. Линь ведь знал: эта невзрачная внешность, веснушки и жалкий вид — лишь временная ширма. В жилах паренька текла кровь великого древнего клана. Стоило печатям пасть, и этот «замухрышка» превратится в чудовище, перед которым склонятся небеса.

В памяти сами собой всплыли строки из того злополучного финала:

«... Его ладонь была мертвенно-бледной, а ногти — багрового цвета, точно запекшаяся кровь. От запястья вверх ползли вязкие узоры древних клейм. Фигура в черном парила в пустоте, и золотые волны на его одеяниях перетекали друг в друга, ослепляя холодным блеском. В его глазах отражалась бесконечность: россыпи искрящихся светил и ливни падающих звезд. Стоило ему моргнуть, чтобы сотни практиков рухнули на колени, хакая кровью. И тысячи воинов пали ниц, выкрикивая одно имя: "Великий жрец!"»

Линь Яньюй перевел взгляд на тщедушного подростка, пускающего пузыри в лечебной воде. Курносый, хилый — ну никакой связи с тем inferнальным красавцем из будущего.

«А что, если... — Линь прикусил губу. — Что, если просто не давать сюжету ходу? Если он не выпьет кровь Мо Хуэя и не вернется в клан Цинь, то никогда не станет жрецом. Оставлю его в секте, пристрою к делу, женю на какой-нибудь симпатичной ученице... Глядишь, и доживет до старости обычным человеком».

От этой мысли Линь Яньюй даже просиял и непроизвольно подпрыгнул на месте.

— Гениально! Просто гениально!

— Линь... старший брат Линь... — раздался тихий, едва слышимый шепот.

Улыбка мгновенно исчезла. Линь медленно повернул голову.

Цинь Цзуйкуан пришел в себя. Он смотрел с такой невыносимой тоской, что у Линя невольно екнуло сердце. Мальчишка выглядел как раненый зверек, который ждет удара даже от своего спасителя.

— Простите... — Цинь Цзуйкуан попытался приподняться, но лишь беспомощно заплескался в воде. Голос его дрожал от страха. — Я знаю... я не имею права... я не достоин этого Духовного источника.